

Надежда ПАПОРКОВА

Родилась в 1984 году в г. Рыбинске Ярославской области.

Аспирант кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского. Работает преподавателем литературы, культурологии и риторики в университетском колледже при ЯРГУ им. П. Г. Демидова. Член Союза российских писателей с 2004 года.

А за окном шумит эпоха

* * *

Этой стужей дышать, этой грустной землей любоваться,
Красотой ее кроткой, закутанной в нищие клочья...
Приходя, чтобы снова уйти, мы должны оставаться.
И любой наш ответ — лишь вопрос. И не в силах помочь я

Ни тебе, мой любимый, поверить, что все не напрасно,
И свечение нашей земли сквозь снега — различимо
В бледном небе, что даже без яркого света прекрасно,
Оттого, что больнее, сильнее, сиротливей любимо...

Ни печальному ангелу этих бесцельных скитаний,
Ни прохожим, едва поднимающим взгляд от дороги...
Никому-никому... Свой бессмысленный счет трепетаний
Остановит когда-нибудь сердце, устав от тревоги.

Разве самое важное — сколько мгновений осталось?
Лишь бы выдержать стужу, пригоршни тепла не растратить,
В тихих песнях сберечь грустной родины нежность и жалость...
И отпустит Господь. И дорогою — снежная скатерть.

* * *

Откроешь зимнюю тетрадь, и первой чистою страницей
Вдруг станет мир — на миг, но весь, на краешек, зато бескрайний...
Земля моя, ни умирать, ни жить веселою синицей
В твоих ладонях никогда я не умела. Но сыграй мне
На нервах истонченных блюз. Чтоб мука музыкой казалась...
(Ты помнишь— Анненский...) Для муз едино все, различья нет им.
Пусть будет музыкой все то, что вызывает смех и жалость
У здешних, взрослых и таких, как нужно, жителей планеты.
С недоумением и тоской, с неузнаванием и плохо,
Неузнаваемо, смешно я говорю с тобой и плачу.
Нам снится воля и покой. А за окном шумит эпоха
О том, кому тебя вручить, как вещь ненужную, впридачу.

* * *

Пусть ты никогда не услышишь меня,
От первого сна до последнего дня

Ничто не напрасно, ничто не пройдет.
Сквозь вечность пространства, сквозь времени лед

Летя, замирая, в горячей мольбе
Душа моя рвется и рвется к тебе.

Пусть разум, как дедушка в длинном плаще, —
Бродячий философ про жизнь вообще,

Писатель про заек и двоечник про
Конкретное зло и живое добро —

Все бродит по книгам, маячит в мечтах,
И делает выводы, не дочитав:

«Реальность — не в этом, реальность — не в том»...
Но что же — в летящем листе золотом,

В дожде, в серебристом речном ветерке?
Кто выдумал образ синицы в руке,

Тот знает, быть может, ответ на вопрос.
Взлетает синица над россыпью рос,

Над россыпью судеб, над болью земной...
А ты навсегда остаешься со мной.

* * *

Не надо, снег, пожалуйста, не прячь
Открытую испуганную землю.
Она твой шепот обратила в плач,
Не оттого ль, вернее, не над тем ли

Несбывшимся мгновением весны,
Которое ты отдаляешь снова...
Поверь, не гибель ждет тебя, а сны
О краткой вечности всего земного.

И ты расскажешь там, на небесах
Что знал тепло и не жалел об этом,
И понял вдруг, что гибель — не в слезах,
А в торжестве над радостью и светом.

* * *

Смешались слезы и апрельский снегопад...
Благословенна та чудесная, чьи руки
Тебя качали и удерживали над
Землей холодной, полной горести и муки.

И на ладонях, всех обветренных, сухих
Которых в руки не возьмешь ты — не родные —
Изгибы рек других, набросок мук других,
Других и присно, и всегда, и даже ныне,

Когда ты в сердце солнцем ранящим молчишь,
Когда шепчу сквозь ледяные дуновенья:
О мой любимый, недоверчивый малыш,
Дай удержать тебя от боли и забвенья...

Но нет ни в мире, ни над миром волшебства,
Чтоб две души — две разных грани поднебесья —
Соединились, как бродячие слова
В печальной песне.